

П. П. ЦВЕТКОВ

Джихад в Коране и в жизни

ПРЕДИСЛОВИЕ

В XX в. джихад является, в оценке большинства писателей, лишь теоретическим средством панисламистского движения, в тесной связи с которым его и следовало бы разбирать. Но этого не позволяют мне сделать рамки моего очерка, и я ставлю себе более узкую и вместе с тем более неблагодарную задачу: я хочу говорить лишь о джихаде, как таковом.

Мне хотелось бы избежать той ошибки, которую можно поставить в упрек очень многим пишущим об исламизме, будь то христианские или мусульманские писатели: это — тенденциозное проведение параллели между двумя мировыми религиями. Понятная для миссионера, такая точка зрения может неблагоприятно отозваться на беспристрастии спокойного исследователя. Когда же к этому еще присоединяется недостаток искренности, а этим в особенности грешат пишущие для христианской публики мусульмане, то случается, что тщательно подобранные аргументы лишь усиливают серьезного противника, и таким образом доказывается совершенно противное тому, что имелось в виду. Недостаток искренности, порою сознательный, порою бессознательный, заключается в том, что, при сравнении христианства и исламизма, учению Евангелия противопоставляется современный исламизм, а учению Корана — современное христианство. Те распри, ереси и расколы, которые нашли себе место или по крайней мере почву в лоне обеих религий, совершенно свободно ставятся на счет Христу и Мухаммеду. Едва ли такой прием отличается строгой научностью.

Затем, зачем сравнивать, что выше христианство или исламизм? Есть пункты, которые сразу не делают это сравнение бесполезным,

если только не невозможным. Можно сравнивать истинные религии, а ни христианство, ни исламуизм таковыми не являются в глазах оппонентов — мусульмане не признают божественности Христа, а, в свою очередь, христиане не признают пророческой миссии пророка Мухаммеда. Как же в таком случае можно ставить для совместного решения вопрос, что выше? Для искренних последователей той и другой религии двух ответов быть не может, и всякий спор в данной области является бесполезным, если только он не преследует целей прозелитизма.

Миссионерские отчеты приводят цифры обращенных в лоно той или другой церкви, но всякий добросовестный миссионер скажет, что к этим цифрам надо относиться с очень большой осторожностью и с большим недоверием: часто новообращенные бывают дороги для принявшей их церкви, но, к сожалению, дороги в самом земном смысле, так как зачастую только деньги и подарки могут убедить в истинности преподаваемого учения тех, на кого слова божественных книг не произвели никакого впечатления. Цифры вдвойне неверны: они неверны абсолютно, так как сами миссионеры делают оговорки о том, что среди обращаемых бывает не мало «рецидивистов», т. е. в который то уже раз принимающих крещение. Неверно и моральное значение этих цифр, так как что же выигрывает церковь от таких прозелитов?

Кроме того, миссионерство среди народов с духовными религиями имеет настолько незначительный успех, что его результаты сводятся почти к нулю. И это понятно: чтобы сознательно, по убеждению, и не для достижения каких-нибудь определенных выгод, переменить одну религию на другую, надо знать их обе, между тем как огромное большинство людей не знает как следует даже своей собственной религии и является религиозным лишь инертно. Разве хоть один человек из тысячи задает себе вопрос о том, почему он христианин? И разве из тысячи так спросивших себя хоть один может по совести ответить, что он христианин потому, что христианство предпочитает мусульманству? Нет, едва ли. Так же, хотя может быть несколько лучше, обстоит дело и с мусульманами, вкусившими плодов цивилизации. Главное, что замечается всюду, это — инертность, бессознательное следование вере своих отцов, и обращения по убеждению, единственные, которые следовало бы считать, бывают лишь редкими единицами.

Роль миссионерства — среди язычников, там успехи его громадны и этому нечего удивляться, так как человеку нужна религия: он с самых древних времен чувствовал над собою какое то верховное

начало, которому поклонялся, к которому обращался за помощью, которое чтит и которого боялся. Пока взгляд его скользил по земле, он поклонялся камням, растениям, птицам и зверям: явления природы заставили его посмотреть выше, и небо, светила небесные стали его богами, которых он оделил разнообразными качествами, чтобы было за что любить, и всякими грозными силами, чтобы было за что бояться. Знаменитая фраза умирающего Вольтера была лишь результатом наблюдения над историей человечества с самых первых времен.

С развитием человечества, унесшаяся на небо религия неизбежно должна была снова спуститься на землю, в сердце человека, в котором заложена частичка того Вечного Духа, которого она ищет от века и которого не устанет искать, пока только живет и чувствует. Мелкий атом в природе, ничтожный и скоро забывающийся факт в истории природы, человек велик этим духом, стремлением которого нет пределов, и который обнимает позади и впереди лежащие вечности. И это стремление есть единственное истинное счастье на земле: оно удовлетворяет настоящую нужду нашего духовного голода, если не может утолить его совсем. Если для язычника картина богатства духа и не представляется во всей своей полноте, все же он смутно чувствует, что ему обещают что то большее, чем он имеет. В этом, то именно, в предложении выгодной для получающего предложение сделки, и лежит секрет успеха миссионерства среди язычников: они одинаково легко восприимчивы ко всякой религии духа, но, если им предложат одновременно христианство и ислаимизм, то победа останется за этим последним: не потому, что эта религия лучше, а потому, что она проще. Как раз такой случай представляет из себя миссионерство в Африке, где христианство не в силах бороться с ислаимизмом.

Как христианство, буддизм, парсизм, точно так же и ислаимизм является духовной религией. Хотя есть немало людей, с достойным лучшей участи рвением, пытающихся доказать, что ислаимизм — мертворожденная религия, и что у него нет решительно никакого будущего, но гигантский и быстрый его рост не позволяет очень легко согласиться с этим мнением. О будущем можно гадать, делать более или менее вероятные гипотезы, но и только. Оставим же будущее для тех, кто будет после нас, и ограничимся тем, с чем нам в действительности приходится иметь дело.

Христианство и ислаимизм существуют рядом: у той и у другой религии имеются свои силы и слабости. Обе настолько распространились, что соприкасаются между собою во многих пунктах. Пускай

исламизм умирает, и пусть ему только и заботы, что о сохранении своей угасающей жизни; пусть христианство совершенно индифферентно, и обе религии, в качестве таковых, могли бы спокойно ужиться рядом: но здесь важен вопрос не отвлеченный, но практический: возможен ли выгодный и безопасный для соединившихся в лоно той и другой религии народов *modus vivendi*?

Чтобы обратиться к намеченному предмету, мы скажем, что существуют известные трения, не внушающие по своей природе большого доверия, и одним из них является джихад.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что собственно надо понимать под словом «джихад» и каково его истинное значение? Выяснению этого вопроса Мавляви Чираг Али, один из учнейших современных богословов, уделяет большое внимание в своем сочинении о священной войне¹.

По его толкованию, классическое значение слова «джихада» есть «он энергично потрудился», и значение «сражаться с врагами» является уже после — классическим и техническим. Классической эпохой считается время поэтов до Мухаммеда, после смерти которого в арабскую речь проникло много иностранных слов, и язык стал вследствие этого более или менее испорченным. Он поддерживает, что слово «джахд, джихад» и его производные должны быть передаваемы применительно к классическому значению, когда слово не должно ясным образом обозначать «сражаться на войне», для выражения чего пользуются арабскими словами «хараб» и «китал». «Джахд» и его производные встречаются в 36 стихах Корана. Оставив те, которые по-видимому не могут относиться к войне, мы находим, что остальные — двух родов. Первого те, которые попадают в мекканских, и второго те, которые находятся в мединских сурах. Мавляви Чираг Али находить, что стихи второго рода, которые обыкновенно передаются со значением «воевать», должны бы быть употребляемы в значении «ревностное усилие», как это сделано по отношению к более ранним сурам. «Я вполне допускаю, говорит он, — что в после-классическом языке арабов слово «джихад» употреблялось для обозначения войны; но последующая порча языка, или после-классический язык не могут быть принимаемы в качестве окончательного или даже удовлетворительного авторитета

¹ Критическое изложение джихада.

в данном вопросе»². Употребленный здесь аргумент заключается в том, что чисто условное значение слова «джихад» вошло в употребление уже после времени Мухаммеда, и что духовные юристы придали это же значение слову в Коране, построив таким образом совершенно ложную систему. Сделан тщательный анализ всех текстов, касающихся данного предмета. Некоторые из них представляют значительные трудности, но в конце концов устанавливается принцип толкования, что те (тексты), которые видимо заявляют об обязательности джихада, должны читаться в связи с другими местами, в которых позволение или приглашение к войне является только условным³.

Когда относительно одного и того же предмета имеются два постановления, из коих одно условное, а другое общее и абсолютное, то предпочтение должно быть отдано условному, и абсолютное должно быть толкуемо, как условное»⁴.

К сожалению, это объяснение не может иметь большого практического значения, так как комментарии давно уже заслонили собою текст Корана, а в толковании комментаторов джихад имеет именно это после-классическое значение, которое практически и принято всеми мусульманами⁵.

² Там же, стр. 168.

³ Э. Сэлли. Вера Ислама. Стр. 412.

⁴ Критическое изложение джихада, стр. 119.

⁵ Не довольствуясь этим доказательством, Мавляви Чираг Али приводит другие. Вот что пишет о них Э. Сэлли (цит. соч. стр. 413 и 414): «Обыкновенно предполагается, что IX сура была дана в конце девятого года геджры, но Мавляви Чираг Али, в противоположность Нольдеке, одному из величайших современных коранистов, считает, что начальные стихи были даны в начале восьмого года, когда Мухаммед шел против Мекки, и что, следовательно, они имеют лишь ограничительное и местное значение, а не общее, которое составляло бы правила на все времена. Это очень остроумно, но это противоречит мнению законоведов, которые считают, что означенные стихи имеют общее применение, и которых очень мало интересует, были ли они посланы в откровении в течение восьмого или же в течение девятого года. Но шагом вперед в этом наиболее свежем толковании является замена другим чтением некоторых слов в Коране (стр. 156):

Бог не допустит неудачи в делах тех, которые сражаются во славу Его (С. 47-я ст. 5-й). Вместо этого предлагается другое чтение, изменяющее смысл, а именно: «кутилю» — «те, кто были убиты» (или сражены) вместо слова в тексте «каталю» — «те которые убивают» (или сражаются). (Казимирский также читает «кутилю», т. е. страдательную форму, и А. Николаев переводит этот стих: «и Бог не допустит погибнуть деяниям тех, кто будет убит на пути Божьем» (Коран, стр. 475), — с этим чтением

Пусть это ошибка, но эта ошибка сделалась жизнью, и она главным образом обособляет исламизм и делает его таким фанатичным.

Кинем краткий взгляд на деятельность пророка, чтобы понять, каким образом в доктрину исламизма обратились слова: «сражайтесь с неверными, где бы вы ни встретили их», между тем как раньше были сказаны великие слова — «отражайте добром зло»? Каким образом «война против неверных даже во время священных месяцев перестала быть грехом»?⁶

Великое в религии ислама — как было, так и осталось великим, это — единство Бога, и оно проходит через весь Коран. Но как же примирить толкования комментаторов относительно того, что многие стихи, как оно в громадном большинстве случаев действительно и было, были обязаны своим происхождением частным обстоятельствам и поэтому имеют лишь ограниченное поле применения, с тем, что Коран вечен? Субъективизм, которого нет ни в одной религии, составляет слабость исламизма, как религии, ничуть не мешая ему в качестве политической системы. Кроме единства Бога, в этой религии нет целостности: она составлялась по клочкам и шла путем, который вел неизвестно куда.

Из подробных биографий пророка можно видеть, что он был по натуре человеком очень добрым и мягким, и всякое насилие ему было чуждо, что было весьма значительно для той среды,

согласны далеко не все переводчики. Если такое объяснение не принимается, то это должно быть истолковано другими стихами, которые имеют смысл «сражаться для самообороны», как то: «сражайтесь на пути Бога с теми, которые воюют против вас, но не преступайте (меры, т. е. не нападайте на них первыми), потому что Бог не любит преступающих меру». Это классический текст, к которому должны быть приводимы все сомнительные места, и, как бы ни трудно было сделать это, они должны, по мнению Мавляви Чираг Али, быть истолкованы в соответствии с ним. Дальше, для доказательства оборонительного характера войн Мухаммеда, принято измененное чтение некоторых стихов. Вместо — убили — «юкатилюна» поставлено «юкаталюхум», т. е. были убиты, так что стих читается не «утверждение дано тем, кто убивает», но «утверждение дано тем, которые убиты» (С. XXII). Страдательная форма чтения принята чтецами: Нафимединским, Ибн-Амиром-сирийским и Рави-куфским. Все же другие чтецы придерживаются действительной формы. В комментарии Джелаль-уд-Дина этот стих упоминается как первый стих, сошедший с неба для разрешения джихада, так что чтение «юкатилюна» имеет хороший авторитет. Однако справедливость требует сказать, что Мавляви Чираг Али не основывается исключительно на спорном чтении, и потеря опоры, которую он думает найти в этих двух стихах, мало повлияет на него.

⁶ Лэн Пуль С. Коран, его поэзия и его законы. Стр. 90.

в которой он жил. Лишь обстоятельства заставили его свернуть с той дороги, по которой он должен был пойти. Пророк, правитель и военачальник, он не отделял откровений от распоряжений самого земного свойства и военных команд, и все сказанное им, будучи собрано в свод, представило причудливую смесь, где догматическое учение идет рядом с правилами общежития, и милосердие к врагам не смущается соседством с военно-полевым судом. И, так как каждая буква Корана есть вечное слово Бога, все они принимаются верными совершенно одинаково.

Постепенно формировавшаяся религия является отражением жизни пророка, и не сразу мирная проповедь обращается в боевой клич⁷. Исламизм не был задуман в той форме, в какую он вылился, и этого и не должно было быть по некоторым причинам, из которых как на главнейшую укажем на влияние на пророка еврейства и христианства. Хотя и воспринимаемые в испорченной форме, все же эти религии представлялись ему неизмеримо выше, чем языческие верования арабов, и к этим то религиям, мало знакомым для него и плохо им понятным, первоначально и стремился пророк. Они давали ответы на вопросы его духа и кроме того они уже приготовили почву для восприятия новой для арабов религии, учения об едином Боге.

В первые годы своей деятельности пророк, еще чистый проповедник, видел в евреях и христианах людей, верующих в единого Бога, как и он сам, и противопоставлял их язычникам — арабам. И «люди писания» первоначально не были «неверными».

Другое дело, во что обратился Коран с течением времени, но едва ли правильно считать, что все правила Корана были рассчитаны на то, чтобы привить воинственный и фанатический дух обращаемым⁸. Проповедуя свою религию среди арабов, живших разбоями и считавших их естественным препровождением времени, Мухаммед невольно должен был идти на уступки, чтобы иметь среди них какой-нибудь успех, а в этом на первых порах он особенно нуждался. Это обстоятельство конечно не может оправдывать догматов его религии, но оно может отчасти объяснить их.

⁷ Чтобы следить за развитием тенденции пропаганды веры мечом, надо помнить, что суры, в которых сделаны главнейшие упоминания о джихаде, должны в хронологическом порядке быть расположены так: 71–40–29–2 — 8–47–3 — 4–22–9. Такой порядок дают им европейские авторитеты в деле изучения Корана, как Нольдеке в своей «Истории Корана» и Сэлль в «Историческом развитии Корана».

⁸ Кершасп Э. Очерки древней персидской истории. Стр. 178.

В развитии коранического учения надо отметить три периода: первый — пребывание пророка в Мекке. Это было время чистой проповеди, которая привела в лоно новой веры очень мало прозелитов, и которая заключилась бегством верных, а вслед за ними и самого пророка. Второй период — успехи в Медине, и этим успехам пророк главным образом обязан тому, что там была уже приготовлена почва для восприятия нового учения. То были успехи, придавшие пророку уверенность и заставившие его переменить тон и обращение с евреями и христианами. В этот период голос пророка уже порою начинает заглушаться голосом военачальника. Наконец, третий период, это — триумфальное возвращение в Мекку, откуда диктатор и произнес свое последнее слово.

Хотя уже и при жизни пророка меч обнажался неоднократно⁹, но первоначально он служил скорее политическим, чем религиозным целям¹⁰. В качестве последнего аргумента, убеждающего принять исламизм, он является уже тогда, когда Мухаммед был достаточно силен. Здесь не было уже прежних шатаний и заигрываний с евреями, и завет был ясен: «убивать неверных, где бы они ни встретились». Сделалось это, повторяем, не сразу, так как в Коране имеются стихи, которые хорошо говорят об евреях и христианах. Позднее эти стихи были отменены. Так стих: «Несомненно, и верующие, и иудеи, так же, как и христиане и сабеи, словом все кто признает Бога и день страшного суда и будет творить добро — все они получают награду от Господа. Страх не постигнет их, а в печали своей они будут утешены» (С. II, ст. 59)¹¹ был отменен следующим: «кто захочет иной религии кроме ислама, то получит религию не от Бога и будет в день суда находиться среди погибших» (С. III, ст. 79). Точно так

⁹ Ибн-аль-Амир говорит: «число сражений, данных пророком, было 27, число малых военных экспедиций — 46». Пророк участвовал лично в девяти сражениях. (Прим. Клейна в его Религия ислама.)

¹⁰ Пророк, чувствуя, что его главенство в Аравии не преминет прейти, отправил посольства к разным христианским правителям, главнейшим из которых был римский император Гераклий, к персидскому шаху и другим, приглашая их перейти в исламизм и подчиниться ему. Александрийский губернатор ответил на это посылкой двух прекрасных невольниц, одна из которых, Мария Коптянка, сделалась важным прибавлением к гарему пророка. Император Гераклий отправил войска на границу, и в 629 г. римляне одержали победу при Мута. (Э. Сэлль. Ислам и его распространение, стр. 33). На другой год пророк хотел искать реванша, но его войскам не пришлось встретиться с римскими. Персидский шах, как известно, разорвал грамоту пророка, чем и навлек на себя его проклятие.

¹¹ См. Коран, перевод А. Николаева, примечание на стр. 48.

же: «не вступай в споры, даже в мягкой форме, с людьми писания (т. е. евреями и христианами), за исключением тех, которые несправедливо поступают с вами» (С. XXIX, ст. 45) отменен знаменитым «стихом меча»: — «когда же пройдут священные месяцы, убивайте их, захватывайте в плен, осаждайте города их и подстерегайте в засадах. Если же они раскаются, будут совершать молитву и платить (что полагается), предоставьте им идти своим путем...» (С. IX, ст. 5). Другие стихи, которые вменяют в обязанность джихад, следующие: «сражайтесь во славу Бога (на пути Бога — С. II, ст. 245) и о, верующие! Что сделалось с вами: нам говорят идите вперед по пути Бога, и вы тяжело поворачиваетесь назад? Или же вы предпочитаете жизнь этого мира жизни будущего...?» (С. IX, ст. 38.)¹²

После бегства из Мекки в Медину взгляд Мухаммеда на задачи исламизма и отношение его к другим религиям совершенно изменился. Нет уже более терпимости и милосердия, — дружба с неверными положительно запрещена, и объявлено, что нет спасения иначе, как в лоне ислама. Умеренность проповедника уступает дорогу повелительным приказаниям диктатора, и последняя миссия пророка есть приказание всеобщей войны¹³.

По мере того как отношения к евреям делались все более и более натянутыми, и тон Корана делался все более и более воинственным. По-видимому, первое окончательное разрешение употребить силу заключается в суре XXII, в 41 стихе которой разрешение дается тем, кто берется за оружие вследствие того, что они были несправедливо преследуемы, и Бог конечно им поможет. Стих 189 суры II также говорит: «и так сражайтесь, пока не прекратится стремление к идолопоклонству, и религией всех не будет религия Бога. А дальнейшие стихи даже санкционируют неуважение к священным месяцам и к священной ограде Мекки. Через шесть месяцев после бегства из Мекки извергнутый пророк начал принимать репрессивные меры и приглашать к благочестивому и выгодному делу ограбления неверных»¹⁴.

К этому времени евреи и христиане уже поставлены на одну доску с язычниками. И евреи, и христиане преследуются за их «лживое тщеславие» — евреи за то, что называют Езру, а христиане Мессию Сыном Божиим: и священники и монахи, о которых раньше говорилось с такой добротой, теперь горько осуждаются: —

¹² Сэлли Э. Вера ислама. Стр. 407.

¹³ Сэлли Э. Ислам и его распространение. Стр. 36.

¹⁴ Энс Х. Ислам, как миссионерская религия. Стр. 35.

«они пожирают силу народа в тщеславии и заграждают пути Бога; их золото и серебро будет расплавлено в огне ада, и их лбы, бока и спины будут прижигаться этим»¹⁵.

В той же самой IX суре, которая до некоторой степени является завещанием пророка, он «объявляет себя свободным от всяких договорных обязательств с идолопоклонниками: по истечении четырех месяцев верные были свободны вести с ними войну, где бы ни встретили их»...¹⁶ Та же самая сура наконец содержит объявление Мухаммедом войны против евреев и христиан¹⁷. Видимая причина, вызвавшая такое распоряжение по отношению к ним, была, как выше сказано, их хула, в действительности же пророк более не нуждался в них, так как его собственная система, так широко позаимствованная от их системы, теперь была уже почти окончательно установлена. Словом, пророк более уже не нуждался в тех, от которых не ждал для себя никакой пользы, и им был предоставлен только выбор: подчиниться его требованиям, т. е. принять исламизм, или же погибнуть от меча.

Вообще девятая сура заслуживает самого внимательного чтения: она служит послесловием ко всему сказанному раньше, и невольно спрашиваешь себя, куда девался прежний дух кротости? Годы сделали дух пророка жестоким и симпатии его узкими.

Такова, в самых общих чертах, эволюция коранического учения при жизни пророка. Правда, что до известного времени Мухаммед вербовал своих прозелитов силою убеждения, и то же самое он советовал делать своим ученикам, но настал момент, когда он совершенно отклонился от небесного духа христианских доктрин и вычеканил свою религию с лигатурой погрешимой смертности»¹⁸.

Было бы рискованно утверждать, хотя это и говорилось иногда¹⁹, что исламизм распространялся и распространяется лишь мирными

¹⁵ Сэр Мюра В. Коран. Стр. 35.

¹⁶ Ласи П. Н. Джонстон. Мухаммед и его сила. Стр. 140.

¹⁷ Хадис: — «По словам Абдулла бин-Омара, пророк Бога сказал: «Вы будете сражаться против евреев так, что, если один из них спрячется за камнем, камень скажет: «О, рабы Бога! за мною находится еврей, убейте его». (Сахих. Бухари, Т. 2. Стр. 322.)

¹⁸ Ирвинг. Жизнь Мухаммеда. Стр. 93.

¹⁹ «Когда корейшиты стали особенно сильно преследовать Мухаммеда и его последователей и поклялись убить их, то для мусульман самооборона сделалась вопросом самосохранения. Им предстояло или быть убитыми или сражаться. Они выбрали последнее, и им удалось, после долгой борьбы, покорить своих врагов. Горькая враждебность евреев, постоянное нарушение ими самых торжественных обещаний, их постоянные возмущения, и их постоянное

способами, а что войны были вызываемы лишь необходимостью самообороны. Без сомнения, что иногда и бывало так, и не допустить этого было бы несправедливостью. При этом нельзя обойти молчанием излюбленный упрек мусульман, что христианство также распространялось силой. И это также является правдой, но правдой только относительной: где в Евангелии можно найти приказание или хотя бы только указание относительно необходимости распространения христианства силою? Это не соответствует ни духу христианской религии, ни заповеди ее Основателя. К сожалению, того же нельзя сказать относительно исламизма, так как в нем пропаганда мечем является совершенно в духе религии, будучи возведена пророком в догмат веры. Одним излишества христианства отличаются от излишеств исламизма: первые были совершаемы всегда исключительно по почину людей, искаживших учение Христа: вторые являются лишь точным исполнением приказания Бога, вечным словом которого является для мусульман Коран.

Вот что говорит Ирвинг в своем жизнеописании Мухаммеда:

«Различные пророки, говорил Мухаммед, были посланы Богом, чтобы показать Его различные атрибуты: Моисей — Его милость, Соломон — Его мудрость, величие и славу, Иисус Христос — Его справедливость, всеведение и могущество; Его справедливость — чистотою ведения, Его всеведение — знанием, которое Он выказал в умении читать тайны сердец; Его могущество — совершенными им чудесами. Однако ни одного из этих атрибутов не было достаточно, чтобы укрепить убеждение, и даже на чудеса Моисея и Иисуса смотрели с недоверием. Тогда я, последний из пророков, был послан с мечем.

старание выдавать мусульман язычникам — естественно влекли за собою суровое наказание» (Амир Али. Дух ислама, стр. 168.)

О. Худас говорит: «Коран во многих местах упоминает о священной войне, но все эти места касаются частных экспедиций, предпринятых пророком. В этих стихах говорится о защите исламизма оружием и о том, что не надо переходить в наступление с единственной целью расширить область религии. Несколько слов, правда, позволяют убивать язычников, но, если их ставить в связь с тем, что предшествует, то нет возможности найти в этом право нападать на кого бы то ни было без предварительного вызова» (О. Худас. Исламизм. стр. 173.) К сожалению вот этого то именно и нельзя сделать: как же можно эти «несколько слов» ставить в связь с предшествующим, когда это предшествующее отменено? На стр. 48 Тамсир-и-Кусайни мы находим толкование стр. 181 суры II. Там между прочим говорится: ... «не преступайте меры, т. е. не нападайте первыми, а чтобы они начали сражение»; это правило отменено «стихом меча» На стр. 147 находим то же самое и относительно ст. 78 IV суры.

Пусть те, кто распространяет мою веру, не входят в рассуждения или споры, но убивайте всех, кто отказывается повиноваться закону. Всякий, кто сражается за истинную веру, падет он или победит, на верное получить славную награду.

Меч, прибавил он, — есть ключ от неба и ада: всякий, кто обнажает его за веру, будет награжден временными преимуществами. Каждая пролитая ими капля крови, каждая перенесенная ими опасность или труд будут отмечены наверху, и цена их будет выше, чем поста и молитвы. Если они падут в битве, то они сразу очистятся от всех своих грехов и будут перенесены в рай, чтобы блаженствовать там в вечном наслаждении в объятиях чернооких гурий.

Предопределение было взято на помощь этим воинственным доктринам. Всякое событие, по учению Корана, было предопределено от вечности, и не может быть избегнуто.

Таковы были доктрины и откровения, сразу превратившие исламизм из религии кротости и человеколюбия в религию насилия и меча. Это было в особенности приемлемо для арабов, так как гармонировало с их привычками и ободряло их грабительские наклонности... После открытого объявления религии Меча они должны были толпами стекаться под знамя пророка...»²⁰

Итак, смело можно сказать, что война против неверных приказана. Пророку ясно было указано возбуждать верных к ее выполнению, и дано обещание, что даже значительно превосходящее число²¹ не послужит в пользу неприятелям. В младенчестве исламизма было указано, как воля Бога, что захваченные пленники должны быть избиваемы²², но впоследствии сделался возможным их выкуп²³.

²⁰ *Ирвинг. Жизнь Мухаммеда. Стр. 94.*

²¹ О том, как должно понимать «превосходящее число», мы находим указание в Коране и хадисах. «О ты, мой пророк! возбуждай верных в сражении! Если десять из вас держатся стойко, они победят двести, если сто из вас держатся стойко, они победят тысячу тех, кто отрицает веру, так как то — люди без разума»... Дальше пропорция была уменьшена, и в той же VIII суре мы читаем: «если сто из вас держатся стойко, они победят двести, и если тысяча из вас держатся стойко, они, с соизволения Бога, победят две тысячи Бог с теми, которые держатся стойко»...

²² Что касается жестокостей войны и обязательства убивать всех способных носить оружие, если они не обратятся в исламизм, Амир Али говорит: — «В период деятельности Мухаммеда международные обязательства были еще неизвестны. Когда нации или племена вели войну друг с другом, то обычным результатом этого бывало избиение всех способных носить оружие, обращение в рабство малолетних и разграбление домашних пенатов» (The spirit of Islam. P. 171.)

²³ *Стокбарт. Ислам. Стр. 192.*

Что касается до фактического применения этого божественного веления, то, по-видимому, надо считать этой датой 623-й год. В ноябре этого года была «в первый раз пролита мусульманская кровь в сражении, когда небольшой отряд под командой Абдуллы, при Нахля, нарушил перемирие священного месяца раджаба, не желая упустить добычу. Когда Мухаммеду сообщили о святотатственной войне, он, после некоторого размышления, от имени неба санкционировал совершившееся: “в нарушении перемирия священного месяца меньше зла, чем в изгнании пророка”, и рай был обещан тем, которые должны были умереть, сражаясь за веру. Так, в конце 623-го года, был объявлен закон джихада или священной войны... И с тех пор меч мало бездействовал»²⁴.

В принципе священная война против неверных — джихад — имела целью или привести их к принятию исламизма, или покорить и уничтожить их в том случае, когда они отказывались сделаться мусульманами²⁵. Эта борьба должна была вестись до окончательного их обращения в исламизм или, следовательно, до полного их истребления²⁶. Равным образом целью ее

²⁴ P. De Lacy Johnstone. Muhammed and his power. P. 91.

²⁵ Хадис: — Абу Хорайра сказал: Пророк Бога сказал: «Я получил приказание сражаться с людьми до тех пор, пока они не станут исповедывать, что нет другого божества кроме Бога. Тому, кто это исповедует, нечего бояться меня и лишь по законам ислама может быть причинен ущерб ему или его имуществу, и сам Бог заботится о нем» (Сахих-Бухар, т. II, стр. 331). По словам Абу Хорайры, пророка спросили, какое деяние самое угодное. «Это, ответил он, вера в Бога и Его пророка. — А потом? спросили его. Священная война во славу Бога, сказал он. — А затем? спросили еще. — Набожное совершение паломничества! опять ответил он» (Сахих-Бухар, т. I, стр. 17, 18).

²⁶ На стр. 308 Тафсир-и-кусайни читаем: «Убивайте тех, кто не имеет веры в Бога, т. е. евреев и христиан, если они не перейдут в исламизм, или не согласятся платить джезийэ. Имам Шафи сказал: не берите джезийэ иначе как с народов писания. Великий имам (Абу Ханифа) сказал: пусть берут джезийэ со всех неверных кроме неверных арабов, суд которых или меч или ислам. Имам Малек сказал: берите со всех неверных кроме отступников, суд которых смерть». Такое толкование нельзя не считать несколько произвольным, если мы сравним его с практикой времени Мухаммеда, так как сам пророк не всегда доводил вещи до крайности, хотя это и было бы выгодно для него в смысле увеличения своей политической власти. Так, например, хорошо известен факт, что он не только подписал перемирие с мекканцами, но даже допустил их сражаться в своих рядах против других язычников. Коран не особенно ясен относительно этого предмета, так как посвященные ему стихи сошли в откровении по повод частных обстоятельств. Согласно одного хадиса, однажды в битве к пророку подошел один человек и сказал, что желает биться в его рядах. Пророк спросил, верит ли он в единого Бога и Его пророка? На его отрицательный ответ Мухаммед сказал, что он не может допустить его сражаться в своих рядах.

являлось способствовать исламу распространиться и восторжествовать над другими религиями. Она рассматривается как священная обязанность мусульманской нации²⁷. Как это надо понимать из коранических текстов, обязанность эта не падает на каждого мусульманина в отдельности, но лишь на всю нацию в совокупности²⁸.

Подобно буддизму и христианству, и исламизм является миссионерской религией, какой и должна быть всякая живая вера. Относительно буддизма мы знаем слишком мало для того, чтобы утверждать, что сила и власть употреблялись для распространения его. Мы должны с грустью заметить, что христианство часто распространялось при помощи меча... но это было сделано совершенно вопреки заветам учителя... Но дух исламизма совершенно противоположен и пророк... на своем смертном одре торжественно приказал, чтобы только исламизм был терпим в пределах Аравии. Вне полуострова приказание было менее категорическое: предлагался на выбор или ислам или податъ, но подчинение одной из этих альтернатив было необходимо... И борцы ислама отправились побеждать и завоевывать, пока знамена исламизма не стали веять... от Геркулесовых Столбов до Желтого моря... Хотя теперь исламизм политически гораздо слабее, чем он был прежде, но все же

²⁷ *Деренбург*. Наука религий и исламизм. Стр. 70. O. Houdas L'islamisme p. 168. Rev. F. A. Klein / The religion of islam. P. 173. «В политическом отношении исламизм является системой деспотизма дома и наступления вне его. Пророк приказал беспрекословное подчинение Иمامу. Ни в каком случае меч не может быть поднят против него... Религиозная война есть обязанность мусульманина, если только имеются шансы на успех. Не обещающая успеха война не рекомендуется, и лишь этому мы можем приписать отсутствие мятежа в Индии». *де-Лас Джонстон II*. Мухаммед и его сила. Стр. 157, 158.

²⁸ Что касается священной войны, то очень легко может случиться, что она не возникнет в течение целого ряда лет, и что, следовательно, многие верные никогда не будут иметь случая принять в ней участие. Если бы она даже и возникла при их жизни, все верные не обязаны являться на мобилизацию, если достаточное число их единоверцев уже посвятило себя этому делу, или же если они находятся слишком далеко от той страны, где возгорелась борьба. Священная война ведется главным образом для защиты религии. Приманка добычей возбуждает, без всякого сомнения, рвение мусульманина, берущегося за оружие, но это соображение никоим образом не может иметь значения для объявления войны. (O. Худас. Исламизм, стр. 90, 91.) Между прочим в практике пророка мы находим яркий пример войны из-за добычи: битва при Бэдре была в сущности ни чем иным, как неудачной попыткой на ограбление богатого каравана.

его исповедует одна шестая часть всего человеческого рода, и он готов сражаться, лицом к лицу встретиться со смертью²⁹, или же причинить ее с боевым кличем: «Нет бога кроме Бога, и Мухаммед пророк Бога!»³⁰

И когда раздается этот крик, все должны стремиться в ряды воинов исламизма. В принципе даже и женщины должны исполнять все обязанности, лежащие на мусульманине, т. е. молитву, пост, милостыню, паломничество и священную войну. Из этого, правда, не следует заключать, что их непременно могут заставить взяться за оружие, чтобы вести священную войну³¹, но, подобно мужчине и женщина обязана содействовать защите веры, посвящая часть своего имущества для пропитания сражающихся или для снабжения

²⁹ «Мученичество, в собственном смысле слова, представляется для исламизма бесполезным, если не губительным. Он не ободряет никого идти навстречу смерти за исключением того случая, когда дело идет о защите общих интересов мусульманской общины, угрожаемой неприятелем, и это самопожертвование, которого он требует от своих верных, столь же патриотического характера, сколь и религиозного. И в этих даже обстоятельствах он не требует бесполезного мужества, если оно не может иметь практических последствий» (О. Худас. Исламизм, стр. 7.) Однако, когда военачальник чувствует, что он должен пробудить воинственный пыл людей, ему позволено вызывать к мученичеству тех, которые склонны к этому, и относительно которых он знает, что их героическое рвение повлечет за собою одно из двух: или возбудит мужество мусульман или посеет ужас среда неверных... Разрешается сражающимся мусульманам рисковать своей жизнью в единоборстве. Но Абу Ханифа запрещает принимать почин вызова на единоборство и на себя, так как вызов на поединок и почин вызова он рассматривает как нарушение дисциплины. Имам Шафи позволяет это, видя в том проявление энергии, отданной на служение вере Всевышнего и делу пророка. Этот спор между комментаторами, поддерживающими свои положения примерами из практики пророка, сводится к следующим выводам: поединок дозволен, будь он ответом на вызов или вызовом. Но для того, чтобы иметь право биться в поединке, борец должен удовлетворять двум условиям: 1) быть человеком мужественным и храбрым, чувствующим себя неспособным ослабеть перед неприятелем, — в противном случае поединок должен быть воспрещен; и 2) не быть начальником, так как возможная его потеря могла бы дурно повлиять на дух войска и даже вызвать поражение его (Мавэрд. Эль Ахкям де-Султаныйя. Перевод графа Льва Остророга, стр. 36, 33, 36. Впредь при ссылках я буду для краткости указывать лишь имя переводчика).

³⁰ *де-Ласи Джонсон П.* Мухаммед и его сила. Стр. 4, 5.

³¹ Хадис: — «Айша, мать правоверных, сказала: “Я просила у пророка разрешения принять участие в священной войне”. Он мне ответил: “ваша священная война, это — паломничество”» (Бухар, т. II, стр. 307.)

их оружием³². Кроме того, и в самый разгар битвы ее присутствие может оказаться очень ценным, так как она может перевязывать раны и своими речами возбуждать бойцов, находящихся в схватке с неприятелем³³. То же самое можно сказать и относительно малолетних, стариков и немощных³⁴.

Священная война должна вестись с тремя группами людей: со всеми язычниками или неверными, которые отказываются подчиниться мусульманскому управлению, обратившись в ислам или уплачивая подать (джезийэ);

с теми, которые уже находятся под мусульманским владычеством, но возмущаются и отказываются платить подать;

с теми, которые возмущаются против имама, хотя бы они были мусульмане, и со всеми, кто начинает войну.

Мусульмане должны предложить не-мусульманам обратиться в ислам прежде, чем нападать на них. Если они принимают исламизм, то тем самым уничтожается необходимость воевать против них, потому что в данном случае цель войны достигается без войны. Однако некоторые богословы утверждают, что предварительный призыв к неверным требовался лишь в первые времена исламизма, пока он еще не был всюду известен, но теперь, когда исламизм так широко распространился и хорошо известен всем, имам имеет полную свободу: или предложить неверным принять исламизм, или же напасть на них без всякого предварительного извещения (Ибн-Абидин, т. III, стр. 241, 242)³⁵.

Таким образом, с течением времени, из орудия обороны постепенно меч обратился в орудие наступления.

«Ибн-Абидин таким образом устанавливает эволюцию джихада: “Знай, что приказание войны было открыто постепенно, так как сначала пророк был послан для того, чтобы возвестить свою миссию, потом рассуждать, оспаривать и убеждать неверных склониться к принятию

³² Хадис: — «Анас сказал: “В день Охода мусульмане обратились в бегство, оставив пророка. Тогда я увидел Айшу, дочь Абу Бэкра, и Омин-Салаим с подоткнутыми подолами, так что я заметил запястья на их ногах; они на спинах переносили меха и опорожняли их во рты мусульман, потом возвращались, чтобы снова наполнять их, потом опять приходили, чтобы опорожнить их во рты мусульман”» (Бухар, т. II, стр. 309.)

³³ Хадис: — «Эр-Рабати, дочь Моавиза, сказала: “Мы участвовали в экспедициях пророка, мы давали пить борцам, мы заботились о раненых и уносили мертвых в Медину”» (Бухар, т. II, стр. 309). Когда же неприятели осаждали верных в городе, то женщины скидывали камни с крыш домов и лили кипящую воду, малолетние подносили стрелы, дротики и копьа, а впоследствии патроны.

³⁴ О Худас, стр. 204.

³⁵ Клейн. Религия ислама. Стр. 175–177.

его доводов; после верным было позволено вести войну, а затем это было им уже приказано, — сначала во всякое время за исключением священных месяцев, а затем во всякое время без исключения”³⁶.

Уже с первых веков своего существования ислаимзм сделался по преимуществу религией меча, без которого он едва ли бы стал когда-либо чем-нибудь иным, как арабская ересь христианства, интересная для изучающих религии, но без большого значения в мире. При помощи меча он сделался великой политической верой, сплотившей Восток в одно, по-видимому, однородное целое, и способный даже бороться с христианством за владение миром»³⁷.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Священная война-джихад — является божественным установлением и, в частности, пятой из основных обязанностей, которые ислаимзм налагает на своих верных.

По определению Эль-Бухари и Ибн-Батута, джихад есть призыв к неверным принять истинную религию и борьба против тех, кто не принимает ее.

Учение джихада основано на коранических текстах и хадисах. Основным из коранических текстов является следующий:

«Убивайте неверных всюду, где бы вы ни встретили их» (Коран, С. IX, ст. 5).

Среди хадисов мы находим много говорящих о священной войне. Так, например:

Ибн-Аббас сказал: Пророк, в день занятия Мекки, сказал: «Теперь уже более нет геджры, но остается священная война и добрые намерения. Когда вы будете позваны в поход, то отправляйтесь»³⁸.

³⁶ Клейн. Религия ислама. Стр. 174. Гр. Остророг, т. II, стр. 1.

³⁷ Энс Х. Ислам, как миссионерская религия. Стр. 77. «В Хидайя мы читаем: “неверных надо истреблять мечом”. Комментарий Хидайя Кафайя еще яснее: «борьба против неверных, которые не обратились в ислаимзм и не платят выкупа, обязательна, хотя бы сами они и не нападали первыми». Это основано на тексте: «Сражайтесь, пока не будет стремления к идолопоклонству (пока не кончится распря), и пока религией всех не будет религия Бога». Сэир-и-кабир, турецкое юридическое сочинение, говорит, что обязанность султана следить, чтобы мусульманские границы никогда не нарушались, чтобы неверные были призываемы к принятию ислаимзма и чтобы правоверные были побуждаемы к ведению джихада (Э. Сэлль. Вера ислама, стр. 407, 408.)

³⁸ *Sahih*. El. Boukhari. V. II. P. 376.

По словам Ибн-Омара, Пророк Бога сказал: «Я получил приказание неустанно сражаться против неверных до тех пор, пока они не признают, что нет другого бога кроме Бога, и что Мухаммед Пророк Бога; пока они не станут совершать молитву и платить десятину. С того дня, как они станут все это делать, их жизнь и имущество будут уважаться мною, за исключением тех случаев, когда ислам позволить посягнуть на них. В остальном они должны отдавать отчет только Богу»³⁹.

Всякий свободный мусульманин, пользующийся гражданскими правами и обладающий здоровьем, обязан принимать участие в священной войне. Исключаются из этого: малолетние, безумные, женщины, рабы и впавшие в детство старики. За этими исключениями, священная война есть религиозная обязанность, лежащая на всех. Однако эта обязательность участия в священной войне, отпадает сама собою, раз мусульманская община уже выставила потребное количество борцов⁴⁰.

Извинением может служить только имущественная неспособность; за родителями признается право воспрепятствовать уходу сына на войну, если они питаются исключительно его трудом, а некоторые признают это право даже за кредитором по отношению к должнику⁴¹. Но имущественная неспособность не может служить поводом к отказу, раз кто-либо другой берет на себя все заботы по снаряжению борца на войну и по содержанию его семьи во время его отсутствия⁴². Равным образом не дает права к уходу

³⁹ Idem. V. I. P. 17.

⁴⁰ Таким образом это обязательство является лишь «фарз-аль-кэфайэ», т. е. рекомендуемым действием (А. Каря. Мус. право. I, 321)... Как и в случае паломничества, для того чтобы получить вечное спасение, нет необходимости во что бы то ни стало выполнить эту обязанность. Прежде всего обстоятельства могут сложиться так, что священная война ни разу не возникнет за всю жизнь верного. Во-вторых, когда джихад имеет наступательный характер, надо лишь, чтобы достаточное число сражающихся приняло участие в борьбе, а другие избавляются от этой специальной военной службы. Зато, правда, когда священная война является оборонительной, то никто не освобождается от участия в ней. Чтобы обозначить особенный характер джихада, арабы говорят, что это — «арз-аль-кэфайэ», т. е. дословно «обязательство достаточности» (О. Худас. «Исламизм», I, 67.)

⁴¹ Кэри (Мус. право. I, 322.)

⁴² Хадис: — По словам Заид-бен-Халида, Пророк Бога сказал: «Тот, кто должным образом снарядит борца на пути Бога, тот как бы сам (участвует) в экспедиции на пути Бога, и тот, кто заменяешь его, также находится на пути Бога» (Сахих «Бухари». II, 299.)

с войны какое-нибудь препятствие, которое прежде могло бы считаться законным, но которое возникло уже во время войны. Ведение священной войны также угодно Богу, как паломничество⁴³.

Так как священная война является божественным установлением, но вместе с тем не имеет постоянного характера, то очень важным является вопрос, кто имеет право законным образом ее начать и вести. Мнения всех комментаторов на этот счет согласны, и они дают ответ, что священная война может быть начата султаном или имамом, приказание которого должны беспрекословно исполняться, или другим лицом по их назначению.

Учения об имамате различны, и здесь не место входить в их оценку, — скажем лишь, что у всех мусульман есть вера в скрытого имама-махди. Опять таки следует оговориться здесь, что для некоторых этот махди является определенным лицом, для других же — им может быть всякий. В силу этой то последней веры мусульманский мир так часто и волнуется вследствие появления различных махди.

Вот что говорит об этом О. Худас⁴⁴.

Под именем махди обозначают лицо, которое Бог воздвигает в начале каждого века, чтобы подавить злоупотребления и привести на истинный путь верных, которые слишком от него отклонились.

Люди дурны по своей природе, и многие из них отказываются от истинных принципов веры для того, чтобы перенять нечестивые верования и обряды. Следовательно, является необходимым время от времени напоминать им об их истинных обязанностях. Эта миссия, являющаяся необходимой, как то говорит легенда, раз в сто лет, не доверяется какому-либо пророку, так как дело не идет о формулированы новых предписаний, но просто об обращенной к верным проповеди — вернуться к святым преданиям, исполнять которые они перестали. А для выполнения этой задачи достаточно простого махди.

Чтобы заставить повиноваться себе махди постоянно видит себя вынужденным прибегать к употреблению силы, и свою должность реформатора он выполняет с оружием в руках. И неудивительно поэтому, что он объявляет джихад, чтобы собрать около себя вооруженные полчища, в которых он нуждается. И это действительно является священной войной, вести которую он считает себя

⁴³ «Ибн-Аббас сказал: «Один человек пришел к Пророку и сказал ему: о, Пророк Бога! я был записан на такую-то экспедицию, но моя жена совершает паломничество. — Вернись, ответил Пророк, и соверши паломничество вместе со своей женой». Сахих Бухари. II, 370.

⁴⁴ Худас О. Исламизм. Стр. 175–176.

вправе в силу специальной миссии, которую он получил от Бога или Мухаммеда, и которая обыкновенно возвещается ему ночью во время сна.

«Все махди считают себя истинными калифами, и в силу этого, они считают себя вправе проявлять высшую власть как в религиозной, так и в политической области. В действительности же цель махди — восстановить в свою пользу калифат в его первоначальной форме, и вот в этом-то его роль могла бы оказаться полезной для мусульманского общества, при попытке объединить его действия. Но факт, что новый реформатор может появиться через сто лет после предыдущего, разрушает всю ценность этого новшества, введенного в мусульманскую религию. Кроме того, не будучи ортодоксальным, махдизм всегда будет лишь причиной временных волнений».

Но, кто бы ни стал во главе движения, имам или специально для ведения войны назначенный им человек, он, в качестве военачальника, пользуется известными правами, равно как это руководство священной войной налагает на него и известные обязанности. Изложение этих прав и обязанностей в мусульманском законодательстве называется *Правом Войны*⁴⁵. Здесь мы в самых кратких чертах наметим основы этого законодательства, дабы показать, что дело джихада хорошо организовано, и что, если порою можно взрыв фанатизма считать отправной точкой волнений, ему никак нельзя придавать значения главной причины, которую надо искать в мусульманском законодательстве.

Военачальник в священной войне, получивший все полномочия на ведение ее, т. е. получивший право произвести не только определенные и ограниченные по цели военные операции, но и заключить, если в этом встретится надобность, перемирие, разделить по окончании военных операций военную добычу и т. п., должен руководствоваться в выполнении своих обязанностей и в проявлении своих прав — следующими правилами.

Первая группа этих правил касается ведения войска и ставить для военачальника обязательства:

Вести войско умеренным маршем, так, чтобы самые слабые солдаты могли следовать, и чтобы самые сильные могли сохранить всю свою силу.

⁴⁵ В изложении прав и обязанностей военачальника в священной войне я буду по возможности придерживаться порядка, указанного в Эль-Ахкам эс-султанийя Мавэрдиди.

Иметь наблюдение за лошадьми, на которых сражаются люди, и за вьючными животными⁴⁶.

Строго различать категории сражающихся, т. е. регулярных солдат и добровольцев, что важно в том отношении, что довольствие тем и другим идет из различных источников⁴⁷.

Назначить для обеих категорий офицеров и начальников, которые должны держать его осведомленным относительно всего, что происходит в войске, и являться на его призыв.

Установить для каждой боевой единицы сборный клич, чтобы входящие в состав каждой единицы люди могли признать своих и явиться на помощь, когда это нужно.

Иметь неусыпное наблюдение за армией и изгонять тех, которые могли-бы уронить дух ее или послужить причиной паники в ней, или-же служить шпионами для неверных.

Относиться ко всем совершенно одинаково и беспристрастно, не принимая во внимание узы родства или дружбы.

⁴⁶ У мусульман лошадь рассматривается, как орудие для ведения священной войны, и поэтому должна пользоваться всякими заботами. Кроме того, лошадь также несет службу и в мирное время. В этот период, т. е. когда не ведется определенных военных операций, на обязанности всех верных всех верных лежит сторожевая служба, а именно охрана границ страны ислама от вторжения неверных. Если кто-либо не в состоянии нести лично эту службу, он должен послать тогда по крайней мере лошадь (Кэри. Мус. право, I, 322).

⁴⁷ Мусульманское финансовое законодательство имеет принципом строгое распределение источников для различных расходов. В данном случае, хотя регулярные солдаты и добровольцы и несут совершенно одинаковую службу, но военачальник должен разделять их, так как уплата содержания первым идет из доходов, собираемых с неверных, и часть которых специально предназначается для ведения священной войны, довольствие-же вторых берется из источника доходов с мусульман, и главным образом, из десятинного сбора (Гр. Остророг. I. 164. II, 6–10.) Налог эль-хумс (т. е. пятая часть), являющийся главным фондом для расходов по приготовлению к священной войне и по ведению ее, составляется из следующих поступлений: 1) с военной добычи, 2) с горных промыслов (металлы, минераллы и драгоценные камни), 3) с найденных в земле кладов, 4) с ценных предметов, доставаемых из морских вод, как-то: жемчуг, коралл, морская пенка и др., 5) с чистой прибыли промышленных и торговых предприятий, 6) с земель, продаваемых мусульманами неверным, и 7) с вещей, не подлежащих этому налогу, в том случае, когда они смешаны с другими, налогу подлежащими, и таким образом, что невозможно отделить их (Кэри. Мус. право. I. 175–177). Хадис: — Джовайрийя-бен-Кодама-эль-Тамини сказал: мы сказали Омару бен-эль-Хаттабу: сделай нам указания. — Я указываю вам, ответил он на это, — на людей, охраняемых договором Бога, ибо их покрывает договор, заключенный с вашим пророком, и они доставляют средств для существования ваших семейств (Сахих Бухари, Т. II, стр. 410).

Вторая группа касается порядка начала враждебных действий. Все неверные разделяются на слышавших и не слышавших призыв к обращению в исламизм. На первых можно нападать во всякое время и без предварительного их о том уведомления, а ко вторым надо обратиться с предварительным призывом. В настоящее время все считаются осведомленными, и, следовательно, никаких предварительных уведомлений не требуется. Однако это лишь мнение большинства, но не всеобщее⁴⁸.

Третья группа содержит правила, касающиеся главным образом собственно специальной стороны военного дела и могущие быть названными стратегическими или тактическими. Они следующие:

Предохранять свою армию от военной хитрости неприятеля, который может прибегнуть к этому, не рассчитывая выиграть в действии открытой силой.

Сделать хороший выбор поля сражения, которое, доставляя все выгоды мусульманам, вместе с тем являлось бы и неудобным для неверных, — в пределах возможности. Первая забота конечно является более важной, чем вторая.

Сделать запас продовольствия для людей и фуража для лошадей и умело расходувать его.

Производить разведки о силах неприятеля и о его расположении⁴⁹.

Расположить армию на поле сражения так, чтобы в каждом важном пункте были способные начальники.

⁴⁸ Вопрос о необходимости предварительного призыва к обращению в исламизм является спорным пунктом учения о джихаде. По толкованию малекитов, предварительного уведомления может не последовать, когда нападение производится на соседнюю с мусульманским государством страну, при нападении на отдаленную — требуется. Мафейты разделяют всех неверных на осведомленных и не-осведомленных о религии ислама: на первых можно нападать без предварительного призыва, хоть теперь и это сделалось излишним. Абу Ханифа говорит, что предварительный призыв всегда желателен, так как сам Пророк никогда не нападал без предварительного призыва к принятию исламизма. Имам Абу Юсуф приводит формулу этого призыва: «Мы приглашаем вас принять исламизм: если вы его примете, ваши права станут как наши права, и ваши обязанности станут как наши обязанности. Если вы откажетесь, давайте нам джезийэ, из рук, с унижением. Если вы откажетесь, то мы на вас нападем (Гр. Осторог II. 17, 18.)»

⁴⁹ Относительно производства разведки и о том, что это считается доблестным деянием находим указания в хадисах. «Джабир сказал: “Пророк сказал в день битвы Народов: “Кто принесет мне сведения о неприятеле?” — Я ответил Эз-Зобаир”. Потом Пророк сказал еще раз: “Кто принесет мне сведения о неприятеле?” — Я ответил Эз-Зобаир. Тогда Пророк сказал: “У всякого пророка был свой верный, и мой верный, это — Эз-Зобаир”» (Сахих Бухари, т. II, стр. 300.)

Укреплять сердца людей, уверяя их в победе⁵⁰.

Пробуждать пыл солдат, известных своей силой и своим мужеством.

С умными людьми советоваться о том, что его занимает, и в сомнительных случаях спрашивать мнения людей решительных.

Следить за тем, чтобы в армии не нарушались веления Бога, и чтобы исполнялись предписания религии⁵¹.

Не позволять своим солдатам (во время перемирия) заниматься мирными промыслами и работами, как торговля и земледелие, чтобы земные интересы не овладели ими, и чтобы подобные заботы не отвлекли их ум от мысли о враге.

Кроме того, военачальник в священной войне должен предвидеть и неудачный конец и поэтому должен назначить себе заместителя. Это основано на практике Пророка⁵².

Четвертая группа содержит правила, касающиеся того, что военачальник может требовать от воинов как по отношению к исполнению ими своего долга, так и по отношению к себе лично. Воины должны:

1) Не дрогнуть под натиском неприятеля, если его силы не превышают более, чем вдвое, его собственные силы. Двойное превосходство сил указано в Коране, как не страшное для воинов исламизма. Если же силы неприятеля более чем вдвое превышают силы борцов за веру, они имеют право отступить. И в первом случае возможно временное отступление с целью с новым рвением продолжать пре-

⁵⁰ Хадис: По словам Абу Хорайры, Пророк сказал: «Бог благоволит ко всякому, кто отправляется на войну с целью быть Ему угодным, и кто при отправлении не будет иметь другой цели, кроме доказательства своей веры в Него и подтверждения своей веры в Его Пророка. Он даст ему возвратиться с добытой наградой или с завоеванной лобницей, или же Он введет его в рай. Если бы лишь не сострадание к моему народу, то я не держался бы позади сражающихся, а, напротив, желал бы быть убитым во славу бога, потом воскреснуть, чтобы снова быть убитым, и быть вызванным к жизни еще раз, чтобы снова быть убитым» (Сахих Бухари, т. I, 21).

⁵¹ Военные заботы и опасности не освобождают правоверных от выполнения религиозных обрядов, но позволяют их несколько сокращать. Хадис: — «По словам Ибн-Омара, имеющего в виду слова Моджахида, когда мусульмане находятся в схватке с неверными, то молитва совершается стоя. Ибн-Омар прибавляет, по словам Пророка: Когда неприятель слишком энергичен, то молитва совершается или стоя или верхом на лошади» (Сахих Бухари. I. 308).

⁵² Пророк назначил Заид-ибн — Хариса командовать своей армией при Мута и сказал: «и если он будет ранен, пусть (командует) Джатар, сын Абу-Талиба; если он ранен, то Абдумга, сын Ровоха и если он будет ранен, тогда пусть мусульмане выберут себе человека» (Мавэрдн I. 146).

рванную схватку, или когда подобное отступление является военной хитростью для того, чтобы заманить неприятеля в западню.

Видеть цель борьбы в торжестве исламизма и в уничтожении всех других, противных ему, религий⁵³.

По окончании военных операций сдать в общую кассу всю захваченную в бою добычу, ничего из нее не утаивая для раздела между участниками боя.

Не помогать своим друзьям или родным, которые могли бы оказаться в рядах неверных, и не щадить их.

Таковы правила, касающиеся обязанностей воинов при исполнении священного долга. Что же касается отношения лично к себе, то военачальник может требовать от воинов, чтобы они:

1) оказывали ему полное и беспрекословное повиновение.

Предоставили ему вполне ведение операций, подчиняясь его решениям и распоряжениям.

Тщательно исполняли то, что он приказывает, и воздерживались от того, что он запрещает. Эта норма естественно вытекает из первой.

Не входили с ним в спор относительно захваченной в бою добычи при ее разделе.

Пятая группа правил содержит предписания военачальнику со всем рвением вести войну, пока неприятель не будет совершенно сломлен, т. е. пока к окончанию военных действий не приведет одно из следующих четырех обстоятельств⁵⁴:

Неприятель обратится в исламизм.

Верные одерживают победу, хотя неприятель и продолжает упорствовать в своем неверии.

Неприятель уплачивает некоторую сумму денег для получения перемирия.

Неприятель капитулирует.

Шестая группа содержит правила о том, как военачальник должен вести свои операции, и что при этом считается дозволенным и не дозволенным. На этом мы остановимся подробнее в своем месте.

⁵³ Хадис: — Абу-Муса сказал: «Какой-то человек пришел однажды к пророку и сказал ему: “Есть люди, которые сражаются ради добычи, другие — ради славы, третьи — из тщеславия. Кто из них находится на пути Бога?” Пророк ответил: “Тот, кто сражается ради того, чтобы слово было превыше всего, находится на пути Бога”» (Сахих Бухари, т. II. 289).

⁵⁴ Хадис: — Согласно Салима Абун-Надра: «Абдулла бен Абу Ауфа написал, а я прочел, что пророк Бога сказал: “Когда вы встретитесь (с неверными), держитесь стойко”» (Сахих Бухари, II. 291).

Таковы общие правила джихада, таковы они в том виде, как передаются мусульманам, но некоторые мусульманские писатели, имеющие в виду специально читателей-христиан, совершенно меняют характер этого установления.

Вот что между прочим говорит Амир Али ⁵⁵:

«Дух ислама противен обособлению и исключительности... Ислам предложил свою религию, говорит Hallam, но никогда не навязывал ее: принятие этой религии доставляло равные права с побеждающей армией и освобождало государства от тех условий, которые всякий завоеватель — с тех пор, как существует мир, и до времени Мухаммеда — неизменно налагал».

«Законами ислама свобода совести и религиозная свобода были дарованы и гарантированы последователям всякой другой религии под владычеством мусульман. Место в Коране — пусть не будет никакого принуждения в религии (С. II, ст. 257) является доказательством принципа терпимости и милосердия, которые внушает Коран».

И дальше ⁵⁶:

«Главнейшие указания Мухаммеда, на которых основан мусульманский закон войны, показывают мудрость и человечность, которыми воодушевлена система ислама: “И сражайтесь за религию Бога с теми, которые сражаются против вас, но не преступайте меры (нападая на них первыми), потому что Бог не любит преступающих меру... Если они нападут на вас, убивайте их... если же они перестанут, то пусть не будет вражды, только с безбожниками”» (Коран, II, 186).

Сопоставляя сказанное в приведенных выдержках с другими кораническими текстами, с большим трудом можно отогнать от себя мысль об умышленной недоговоренности. В своем месте мы укажем, какие в действительности права получали те, кого побеждали мусульмане, и какова была свобода совести и религиозного культа: но опять-таки будем делать это указание, основываясь на мусульманских документах, назначенных для пользования мусульман, и которые никоим образом нельзя заподозрить в неискренности. Что же касается стиха — «нет принуждения в религии», — то у комментаторов мы находим не то, что говорит Амир Али. Так, например, на стр. 70 Тафсир-и-Хусайни мы читаем:

«Нет принуждения в религии... Этот стих обозначает, что не следует принуждать принимать исламизм ни евреев, ни христиан, ни огнепоклонников, ни сабеян — под условием уплаты джезийэ.

⁵⁵ Амир-Али. Дух ислама. Стр. 173.

⁵⁶ Амир-Али. Дух ислама. Стр. 179.

(Комментаторы) говорили, что этот стих отменен стихом меча. Ни одно из арабских племен не знало другой веры, и всех остальных надо убивать, чтобы сделались мусульманами или же уплачивали джезийэ»⁵⁷.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сделав общий очерк закона священной войны и зная теперь, что она является божественным установлением, что она обязательна, но не имеет постоянного существования, мы по справедливости должны несколько дольше остановиться на различных ее фазах и выяснить, как начинается (по мусульманскому учению), как ведется и как оканчивается священная война.

Как выше было уже упомянуто, мусульманские богословы и законоведы расходятся в мнениях относительно того, следует ли до объявления войны неверным сделать им призыв об обращении в исламизм, или же можно этого не делать⁵⁸.

Однако значительное большинство, ссылаясь на практику Пророка, (и это имеет громадное значение, так как, в сущности, все законодательство джихада основано на прецедентах), приняло, что предварительное извещение должно иметь место. «Священная война может быть начата лишь после предварительного убеждения, которое должно быть повторено через три дня. В этом убеждении приглашают врага принять мусульманское иго или же отказаться от своих верований, чтобы принять мусульманскую религию. И лишь после отказа от той или другой альтернативы может быть сделано нападение»⁵⁹.

Одним из важных условий возможности начала священной войны является наличие значительных шансов на успех, так как

⁵⁷ А между тем происхождение этого стиха ясно показывает, что взгляд Мухаммеда на «людей писания» был совершенно иной, чем на язычников. На стр. 70-й Тафсир-и Хусайни мы находим объяснение происхождения этого стиха. В Медине жил некий Абуль-Хасин, у которого было два сына: один из них, живший в Дамаске, принял христианство; вернувшись домой, он и своего брата убедил принять христианство, после чего они оба отправились в Дамаск. Тогда их отец обратился к пророку и сказал, что отправится в Дамаск и силой принудит их перейти в исламизм. В это время и сошел стих: «не надо принуждения в религии», т. е. такой, как еврейство или христианство. Но, по возвращении пророка в Мекку, взгляд его на этот предмет изменился, как мы видели выше.

⁵⁸ По закону джихада: Если военачальник начинает враждебные действия против неверных, не приняв во внимание, что он должен предварительно пригласить их перейти в исламизм, и убивает их, он должен (уплатить) вознаграждение за кровь. (Comte L. Ostrorog. v. II, p. 19, 20.)

⁵⁹ Houdas O. L'islamisme. Pp. 168, 169.

поражение могло бы угнетающим образом отозваться на борцах исламизма и заставить слабых из них усомниться в том, что священная война является делом Бога.

Другим неперенным условием является то, чтобы страна, в которой предполагается священная война, была Дар-уль-харб, т. е. «страной войны»⁶⁰.

⁶⁰ В этом месте считаю необходимым сделать широкое позаимствование из «Веры Ислама» Е. Сэлля относительно того, как велись и чем окончились в Индии споры о джихаде. Нам, владеющим целыми областями с почти исключительно мусульманским населением, не мешает слегка прислушаться к этим спорам. «Несколько лет тому назад проповедь джихада причинила много беспокойств в Индии, и мирные мусульмане, вовсе не желавшие возмущаться, но вместе с тем затруднявшиеся отказаться от выполнения лежавшей на них обязанности, в конце концов, не заводя споров о законности джихада, как такового, выставили затруднение в том, что Индия не является страной, в которой джихад мог-бы законно быть начат. Этот вопрос подвергся должному обсуждению, и были приняты авторитетные решения. Суннитскими властями были даны две категории законных мнений, которые и были опубликованы Мусульманским Литературным Обществом в Калькутте. Одна группа Мавляви решает, что Индия есть Дар-уль-харб, а другая говорит, что она есть Дар-уль-ислам, и затем что кажется весьма странным — обе группы сходятся в том, что джихад в ней совершенно незаконен. Те, которые говорят, что она есть Дар-уль-харб, заявляют: так как мусульмане в Индии пользуются полной религиозной свободой и не являются вынужденными воевать, то джихад и является незаконным. Вот какая фэтва была дана 17 Июля 1870 года: “Мусульмане здесь находятся под покровительством христиан, а в стране, где оказывается покровительство, не может быть джихада, так как отсутствие покровительства и свободы между мусульманами и неверными является в религиозной войне существенным условием, — здесь-же этого условия нет; помимо того необходимо, чтобы была возможность победы для мусульман и славы для индусов. Если такой возможности нет, то джихад незаконен”. Второй вопрос относительно возможности победы — остается открытым и охраняет Мавляви от обвинения в слабости, если-бы они объявили джихад незаконным. Он незаконен “теперь”, и это все, что они утверждают. Вопрос этот был доведен также до сведения трех главнейших суннитских сект в Мекке. Вопрос был поставлен так:

Каково мнение ваше (да продлится вечно ваша жизнь)! относительно вопроса: является-ли Дар-уль исламом или нет Индия, правители которой христиане, которые не вмешиваются в такие предписания исламизма, как обычная дневная молитва и молитвы праздников; но которые разрешают уклонение от некоторых предписаний исламизма, как то: они позволяют наследовать имущество после мусульман таким лицам, которые переменили свою религию и сделались христианами? Ответьте на это, и за это Бог вознаградит вас. Глава ханефитского толка, муфти Мекки ответил:

До тех пор, пока там соблюдаются особые обряды исламизма, там Дар-уль-ислам.

По толкованию мусульманских богословов весь мир разделяется на две большие части, а именно: Дар-уль-харб (т. е. страна войны) и Дар-уль-ислам (или Дар-уль-аман, т. е. страна ислама, или страна мира, или страна покровительства).

Дар-уль-харб есть всякая страна, в которой ведется война, или страна, принадлежащая неверным, и которая еще не была подчи-

Муфти шафетского толка ответил:

“Да, до тех пор, пока особые обряды исламизма соблюдаются там, там Дар-уль-ислам”.

Муфти малекитского толка сказал:

В комментарии Дасоки сказано, что страна ислама обращается в Дар-уль-харб не тотчас после того, как она переходит в руки неверных, но лишь тогда, когда там делается невозможным исполнение всех или большей, части предписаний ислама.

Все они называют Индию Дар-уль-исламом, но они тщательно избегают ответа на вопрос, законен джихад или нет. По-видимому, они и теперь оставляют этот вопрос открытым.

Калькутское Мусульманское Общество пошло дальше и категорически постановило, что джихад никоим образом не может иметь законно места в Дар-уль-ислам, каковым они считают Индию. Они поддерживают свое положение ссылкой на “фатана и аламгири”, где указаны условия, при которых Дар-уль-ислам обращается в Дар-уль-харб. Они следующие:

1) Когда правление неверных производится открыто, и предписания ислама не исполняются.

2) Когда страна находится в таком близком соседстве со страной Дар-уль-харба, что между двумя странами не лежит ни одного города.

3) Когда ни один мусульманин не пользуется религиозной свободой, и зимми (т. е. неверные, принявшие условия постоянного подчинения мусульманскому правлению) не находятся в тех условиях, в которых они находились бы при мусульманском правлении» (цитировано из книги: Сэр В. В. Хентер. Наши индийские мусульмане).

И вопрос остается до сего времени в таком неудовлетворительном состоянии, — один хорошо известный законный авторитет устанавливает этот закон так: Когда мусульманская страна попадает в руки неверных, она остается страной ислама, если неверные оставляют мухаммеданских правителей и мухаммеданских судей, а не вводят своих собственных законоположений. Применительно к этой теории Индия является Дар-уль-харб. Во всяком случае неопределенность закона и меняющиеся фэтвы предоставляют фанатикам большое удобство для причинения беспокойств правящей власти, а равно и мирно настроенным мусульманам.

«Мавляви Чираг Али утверждает (в критическом изложении джихада), что все войны Мухаммеда были оборонительны и что из Корана совершенно нельзя вывести обязанности джихада. Это восхитительно просто, и, если бы константинопольские улемы в ученые профессора университета Аль-Ахзар в Каире отказались от Абу-Ханифы и выкинули-бы все юридические книги, то без сомнения это было бы благословением для многих стран и народов.

нена исламизму, или в которой еще не был объявлен мир между мусульманами и неверными, или-же где высшая власть отправляется не мусульманами. Дар-уль-ислам есть всякая страна, управляемая мусульманскими законами⁶¹.

Строго говоря, при рассмотрении вопроса с правоверной точки зрения, в Дар-уль-харб мусульмане были бы обязаны вести войну всегда⁶², но так как в большинстве случаев это весьма трудно выполнимо, то правоведы поставили известные условия, при наличии которых Дар-уль-харб на практике обращается в Дар-уль-ислам, т. е. место, где мусульмане могут проживать спокойно. Для того

Цитирую следующее положение: (там же). «Все предписания Корана относительно войны сделаны, во-первых, лишь для самообороны, и ни одно из них не имеет отношения к ведению наступательной войны. Во-вторых, по своему характеру они являются преходящими. Общее мусульманское законодательство погрешает в том месте, где оно разрешает, чтобы неверные подвергались нападению без предварительного вызова».

Ст. 40 и 41-й суры XXII часто цитируются для того, чтобы показать, что джихад является чисто оборонительным, но это место имеет лишь частное, а не общее значение. Ортодоксальные комментаторы выводят отсюда вечное обязательство джихада (Э. Селль. Вера Ислама, стр. 408–412).

⁶¹ В тексте мною дано общее понятие Дар-уль-харб и Дар-уль-ислам, которое не противоречит ни одному толкованию, предоставляя каждой партии сделать небольшие оговорки. Для тех, кого этот вопрос интересует не специально, этого вполне достаточно. Такое определение сделано многими авторами, из которых для примера укажу на: Селль Э. Вера Ислама. Стр. 406. Клейн. Религия Ислама. Стр. 177. Амир-Али. Дух Ислама. Стр. 176.

⁶² По учению ханефитов, вообще сношения между мусульманами и неверными могут иметь лишь характер исключительности: нормальным же состоянием является война с неверными со всеми ее последствиями. Согласно приводимому в Хидайя адису — мусульмане должны вести священную войну с неверными до последнего дня, и неверные не пользуются правом неприкосновенности ни для себя лично, ни для своего имущества. Отсюда следует, что мусульманин проникший в Дар-уль-харб, может овладеть вместе имуществом и женой неверного и убить его самого, равно как и сделать своим рабом всякого неверного, проникшего в Дар-уль-ислам (Сияр, I, 122). (Comte L. Острогор II, 80.) Однако, если враг нарушает условия перемирия и даже убивает находящихся у него заложников, мусульмане не имеют права сделать того же с находящимися у них заложниками неверных, так как вероломство неверных не должно служить для них примером. Напротив, при возобновлении враждебных действий, заложники должны быть отпущены на свободу. (Там же, стр. 87 и 88). Если же кто-нибудь проникает в Дар-уль-ислам, и является подозрение, что его целью было шпионство, он должен быть убит. Санама-бен-эль-Аква сказал: к Пророку во время одной экспедиции пришел шпион многобожников. Он сел, проговорил со спутниками, потом ушел. Тогда Пророк сказал: «Пусть его догонят и убьют!» Я убил шпиона, и Пророк мне отдал его останки, как боевую добычу (Сахих Бухари, II, 365.)

чтобы страна могла рассматриваться, как Дар-уль-ислам, надо, чтобы общественные молитвы могли выполняться без всякого затруднения или стеснения, и чтобы два больших мусульманских праздника могли праздноваться открыто. Но, как только страна начинает вместо мусульманских законов управляться законами неверных, или когда эта страна примыкает к Дар-уль-харб, или когда мусульмане и зимми лишаются того покровительства, которым они пользовались раньше, или когда-бы была потеряна возможность открыто справлять праздники, — тогда Дар-уль-ислам обращается в Дар-уль-харб, и долг всякого мусульманина подняться с оружием в руках для ведения священной войны⁶³.

Лица, живущие в той или иной стране, также имеют в законодательстве свои определенные названия.

Харби, т. е. житель Дар-уль-харб, является не чем иным, как простым чужестранцем. Он не имеет права доступа в мусульманское государство без особого на то разрешения, но раз он получил «аман»⁶⁴ или гарантию за безопасность хотя-бы от самого беднейшего мусульманина, он совершенно обеспечен от всякого притеснения в течение одного года. По истечении этого срока он обязан удалиться. Житель Дар-уль-аман есть мустамин. Аман может быть на вечные времена или определенной длительности⁶⁵, но, пока он длится, отношение к мустамину регулируется в строгом соответствии с пунктами договора, заключенного с его страной. Эти мустамины управлялись своими законами, были избавлены от обложения податью и пользовались еще другими привилегиями⁶⁶.

Подобно тому, как Дар-уль-ислам может обратиться в Дар-уль-харб, точно также и Дар-уль-харб, при известных обстоятельствах, обращается в Дар-уль-ислам: например, в случае окончания войны с неверными и подчинения их мусульманскому игу, — захваченные земли неверных обращаются в Дар-уль-ислам и управляются уже мусульманскими законами.

⁶³ Сэлль Э. Вера Ислама. Стр. 373–406. Клейн. Религия Ислама. Стр. 178.

⁶⁴ Принципом мусульманского законодательства является, что всякий неверный может просить у мусульманина защиты и покровительства. Это не обуславливается особыми церемониями и слов: «не бойся» или «иди сюда» совершенно достаточно для заключения этого договора. (Сияр. I. 118.) Аман, заключенный с отдельными лицами, не распространяется на общину (Гр. Остророг, II, 81).

⁶⁵ Даже заключенный на вечные времена аман может быть нарушен, раз того требуют интересы мусульманского общества.

⁶⁶ (Амир-Аль. Дух Ислама, 176–177.)

Раз имеются шансы победить неверных, и страна, в которой предполагаются военные операции, является Дар-уль-харб, то «военачальник свободен вести с ними войну, как он найдет это более выгодным для мусульман и наиболее губительным для неверных: огнем и мечом опустошая территорию врага во время набегов дневных и ночных, или же формально объявив им войну и сражаясь с ними в открытом бою... Но запрещается неожиданно нападать на тех неверных, до которых еще не дошел призыв к обращению в исламизм»⁶⁷.

Когда война может вестись сразу в нескольких направлениях, она должна быть предпочтительно начата с народом, являющимся непосредственным соседом, если только, по каким-либо соображениям отдаленный не внушает более серьезных опасений. Так как вообще священная война должна вестись против: 1) мусульман, восставших против власти законного имама⁶⁸ 2) неверных вассалов т. е. христиане, евреев и огнепоклонников, раз они нарушают договорные обязательства, и 3) против неверных, не состоящих вассалами, каковы-бы они ни были, и где-бы они ни находились, — делается очевидным, что представляющими наибольшую опасность являются первые две группы. В настоящее время едва-ли можно допустить возможность какой-нибудь мусульманской экспедиции, но возможность восстаний слишком хорошо доказана новейшей историей.

Хотя военачальнику и предоставляется право и свобода вести военные действия так, как это ему кажется наиболее выгодным, все-же эта свобода ограничивается известными законоположениями, преступить которые он не может.

Как выше было сказано, военачальник должен заботиться как о людях, так и о боевых и вьючных животных, чтобы ни те, ни другие не чувствовали нужды в необходимом; должен уметь утилизировать всю боевую силу, для чего должен разделить свои силы на отряды, дав заведывание ими опытным начальникам, и поддерживать дух войск обещанием близкой и верной победы. С своей стороны, веруя, что Бог даст победу во всяком случае, он должен сделать все возможное, чтобы обеспечить ее по возможности и имеющимися в его распоряжении земными средствами, т. е. вести

⁶⁷ (Гр. Остророг. II, 16–17.)

⁶⁸ Хадис: — По словам Ибн-Омара, Пророк сказал: «Обязательно слушать имама и повиноваться ему, если только то, что он приказывает, не грех против Бога. Но если его приказание есть грех, не надо ни слушать, ни повиноваться» (Бухари, II, 333).

разведку, чтобы знать силы неприятеля и его расположение⁶⁹, принять все меры к охране своей армии от неожиданного нападения или засады, выбрать поле битвы и держать начальников частей хорошо осведомленными, относительно общего плана, ясно указав вместе с тем и задачу, которая падает на каждого из них в отдельности.

Когда он сделает все это и сумеет заслужить общее доверие всех, составляющих его армию, то воины сумеют или победить или доблестно войти в рай.

«Убивайте неверных», сказано в Коране, и меч исламизма вынут из ножен, чтобы вести борцов к победе или райским наслаждениям. Но пока между борцом и раем стоит еще бой, о котором и приходится сказать несколько слов.

Война может вестись в своей стране или в чужой, с мусульманами-апостатами⁷⁰ или с неверными; население страны состоит из сражающихся и несражающихся. И в мусульманском законодательстве мы находим точные указания, как надлежит поступать в том или в другом случае.

Хотя военачальнику и предоставляется свобода в выборе средств, но тем не менее не все средства считаются дозволенными, а из дозволенных не все дозволены безусловно.

Отравленное оружие, как и бесполезные жестокости формально запрещены⁷¹.

Жизнь не сражающихся: стариков, женщин и детей должна быть пощажена⁷². В законе джихада читаем: Не дозволено убивать

⁶⁹ В таких случаях он может предлагать особую награду, которую выполнивший свою задачу мусульманин получает сверх своей части добычи.

⁷⁰ Сражаться с мусульманами, не признающими власть законного имама: долг всякого правоверного, и всякое промедление в этом есть преступление. Как только воинов набралось достаточно, военные действия должны быть начаты, война ведется с ними, как с неверными. Для апостатов нет другой участи кроме смерти (там же, стр. 35).

⁷¹ Но все же разрешается разрывать могилы неверных, чтобы искать там ценные предметы. Если мусульманин в сражении встретит своего отца среди неверных, он не должен начинать борьбы с ним, но он не должен терять его из виду пока кто-нибудь другой не убьет его, так как этим цель достигается без того что сын убивает отца, что было бы грехом... Не должно щадить неверных просящих милости (Клейн. Религия ислама. 178.)

⁷² Хадис: — Ибн-Омар сказал: «В одной из экспедиций пророка была найдена убитая женщина. Тогда пророк запретил убийство женщин и детей» (Бухари, т. II. 351). Женщины и дети неверных, которые не могут быть уведены, должны быть оставлены в пустынном месте, где они не могли бы найти для себя воды и пищи и таким образом умерли бы с голода, потому что «не законно убивать их» (Клейн. Религия Ислама. 179, 180. гр. Осторог. II. 76).

женщин и детей — ни во время сражения, ни вне его — если только сами они не принимают участия в бою, потому что пророк (да будет над ним благословение и милость Бога!) запретил убивать их... Если женщины и дети принимают участие в бою, тогда и против них можно сражаться, и их можно убивать, пока они повернуты лицом, но, как только они повернули спину (чтобы бежать), убивать нельзя. Когда, во время боя, неприятель выставляет вперед женщин, а равно и детей, чтобы прикрыться за ними, то, убивая сражающихся, надо избегать убийства женщине и детей. Однако, если врага нельзя уничтожить иначе, как убивши женщин и детей, это разрешается⁷³.

«Если неприятель выставляет вперед пленных мусульман, чтобы прикрыться за ними, и, если не представляется возможности овладеть ими иначе, как убивши пленных мусульман, то делать этого не разрешается. Лишь в том случае, когда оставление их может повлечь за собою то, что мусульмане будут окружены, то сражающимся разрешается находить выход из положения, как они могут: они лишь должны избегать умышленно убивать мусульмане, находящихся в руках неверных. Если случится так, что мусульманин будет убит, то убивший его должен будет уплатить цену крови (дийэт) и совершить искупительное дело, если он знал, что убитый был мусульманин; если же он этого не знал, то он должен лишь совершить искупительное дело»⁷⁴.

Равным образом, пощада должна быть оказана священникам, монахам и раввинам⁷⁵.

⁷³ Там же. 11. 41, 41.

⁷⁴ Там же. 11. 45.

⁷⁵ «Относительно стариков, монахов и живущих в монастырях существует разногласие в мнениях. По одному из этих мнений, их не должно убивать, если только они не принимают участия в сражении: происходит это потому, что их следует рассматривать, как пользующихся выгодами безмолвного договора, существующего для женщин и детей. Но другому мнению, их можно убивать, если они даже и не принимают участия в сражении, так как часто они дают сведения, которые для мусульман имеют более вредные последствия, чем их личное участие в сражении» (Мавэрди. II. 88). Разногласие это гораздо сложнее, чем может показаться с первого взгляда. Пользуются выгодами безмолвного договора лишь старики, совершенно дряхлые физически, хотя бы и со светлым умом, или хотя еще телесно и бодрые, но морально впавшие в детство; равно как и монахи, живущие в монастыре и не имеющие никакого сообщения со светскими лицами. Старик, бодрый еще настолько, чтобы принимать участие в сражении, или же еще способный к деторождению, т. е. могущий увеличить число врагов исламизма, равно как и монах, живущий в общении со светскими людьми, рассматриваются как сражающиеся, и их разрешается убивать (Гр. Остророг. II. 38). Это исключение, сделанное в практике священной войны, является очень характерным, и из него можно заключать, что первоначально джихад имел в виду, если не исключительно, то главным образом лишь язычников.

Мусульманину разрешается убивать попавших ему в руки неверных, способных носить оружие, независимо от того, являются ли они в данный момент сражающимися или нет.

Борцы исламизма должны не дрогнув выдержать натиск двойных сил неприятеля. Бежать перед таким неприятелем разрешается, в сущности, лишь в двух случаях: или с намерением возвратиться опять, или с целью присоединиться к другому отряду, чтобы дружнее ударить на врага. Но они могут это сделать и для того также, чтобы переменить позицию на более выгодную, или чтобы приблизиться к воде, или чтобы не находиться лицом против солнца ⁷⁶.

Силы неприятеля, более чем вдвое превосходящие силы мусульман, дают этим последним право отступить и бежать, не привлекая на себя гнева Бога ⁷⁷.

Но, как бы ни тяжелы были условия боя, военачальник не должен забывать слов Бога, сказанных через пророка: «О, верующие! имейте терпение: соревнуйте в нем друг с другом, будьте тверды и Бога, и вы будете счастливы» (Коран, С. III, ст. 200). И он не может оставлять дело неоконченным, но должен довести его до победы; пока неприятель не разбит, не капитулировал, или не обратился в исламизм, священная война по справедливости не может считаться оконченной. Чтобы скорее прийти к намеченной цели, военачальник может пользоваться метательными орудиями (новейшие комментаторы умалчивают о них, так как они заменились артиллерией), он может делать набеги на неприятельскую территорию, разрушать его жилища и жечь его имущество. В крайнем случае он может срубить финиковые и фруктовые деревья, но вообще это запрещается делать без особой на то нужды. В случае крайности разрешается отводить воду или разрушать водопроводы и даже отравлять воду в водопроводах ⁷⁸, питающих осажденное место, так как мучения жажды заставят неприятеля капитулировать.

Если из осажденного места придет кто-либо и попросит воды, от имама или военачальника зависит, — дать или не дать воды просящему, а равно, отпустить его невредимым или убить.

Воинам не запрещается пользоваться съестными припасами и фуражом неприятеля, но они не должны брать более того, что строго

⁷⁶ *Кэрн*. Мус. право. Т. I. Стр. 325.

⁷⁷ Коран, VIII, 16.

⁷⁸ *Кэрн*. Мус. право. Т. I. Стр. 326. Так допускается на практике, хотя в теории юристы далеко не пришли к соглашению относительно этого пункта и разногласия имеются даже между имамами одной и той же школы, как например, Абу-Ханифой и Мухаммедом.

необходимо для них самих и для их лошадей, так как все имущество неприятеля считается (в будущем) общим достоянием мусульманской общины и подлежит разделу между участниками экспедиции.

Предпочтительно начинать бой после полудня, и по возможности следует избегать нападения на неприятеля ночью и до полудня.

Законодательство уделяет большое внимание поединку.

Когда неприятельский борец предлагает поединок без какого-либо специального условия, то сражающимся мусульманам разрешается поддерживать своего товарища. Но если противник по имени назвал борца, которого он вызвал на поединок, то помогать ему не позволяется. Если борец-мусульманин, указанный борцом-врагом, убегает, и последний требует его, он немедленно же должен быть послан на место боя. Если же неприятель не требует своего противника, то не разрешается нападать на него. Некоторые юристы считают, что в этом последнем случае можно преследовать неприятеля-борца, если только он не поставит условием, что ему должно быть позволено невредимым вернуться в свои ряды.

«Когда неприятельский борец, предложивши поединок специально указанному мусульманину, призывает во время боя на помощь своих товарищей: и таким образом нарушает условие, то и мусульманам разрешается помогать своим единоверцам».

«Когда во время поединка товарищи борца прибегают к нему на помощь без его зова, то обязательство не нарушается, если борец отказывается от помощи своих товарищей; в противном случае, обязательство считается нарушенным, и мусульманам разрешается помочь своему единоверцу»⁷⁹. Когда бой окончен, то первую заботою оставшихся в живых, должно быть — оказать помощь раненым и убрать трупы убитых. Что касается трупов неприятелей, то их должно по возможности так убрать, чтобы не было надобности погребать их, — их можно, например, сжечь или же бросить в какую-нибудь яму или колодец. Что касается трупов «мучеников»-мусульман, то их хоронят в той одежде, в которой их нашли на поле битвы. О них не молятся, так как в этом нет нужды, — спасение им уже обеспечено; и их не обмывают, так как от ран их исходит аромат мускуса⁸⁰.

⁷⁹ Кэрн. Мус. право. Т. I. Стр. 327.

⁸⁰ По всеобщему верованию, умирающий во время священной войны является в некотором роде мучеником, и ему уготовано в раю специальное место. От ран его будет исходит запах мускуса, вследствие чего другие блаженные будут легко узнавать его. Приманка такой наградой не могла не возбудить рвения мусульман, и таким образом мало-помалу привыкли к мысли, что джихад, который давал столь ценные и вечные преимущества, должен быть позволяем всюду и во все времена (О. Худас. Исламизм. 173).

Рассмотрим теперь, какие результаты влечет за собою окончание военных действий.

Результаты эти бывают различны, в зависимости от того, каким образом окончилась война.

Если неприятель обращается в ислаимизм, то в правах и обязанностях сравнивается с мусульманами, и за ним сохраняется право собственности на земли, ставшие тогда уже Дар-уль-ислам, и имущество. Если только часть неверных, во время военных действий, обратилась в ислаимизм, за этой лишь частью признаются вышеуказанные права и преимущества⁸¹.

Если мусульмане победили врага, но он продолжает упорствовать в своем неверии, то следствием этого является то, что женщин, захваченных в бою или после боя⁸², и детей уводят в рабство⁸³ и захватывают все имущество. С мужчинами поступают следующим образом: или уби-

⁸¹ Такое обращение влечет за собою и ислаимизм для малолетних детей и для зачатых. Однако, по учению Абу-Ханифы, когда неверный обращается в ислаимизм в Дар-уль-исламе, то его обращение не влечет за собою ислаимизма для его малолетних детей. Если же он обращается в Дар-уль-харбе, это обращение влечет за собою ислаимизм для его малолетних детей, но не для зачатых (Гр. Остророг. II. 75.)

⁸² Как женщины, так и малолетние делаются собственностью сражающегося с самого момента их захвата, хотя бы военные действия и не были еще окончены. Так как они рассматриваются совершенно так же, как имущество, то равным образом подлежат налогу, т. е. с их стоимости взимается пятая часть для взноса в казну. Конечно, стоимость эта колеблется в зависимости от красоты женщины, а равным образом принимается во внимание то обстоятельство, девственна она или нет. В зависимости от этой оценки, воин, имевший сношение с женщиной до раздела добычи, уплачивает пеню в том случае, если она не достается ему. Имея с нею общение, он не совершил большого греха, так как он владеет частицей в этой женщине, являющейся общим достоянием, но он совершает акт неповиновения, пользуясь самовольно добычей до раздела (Кэри. Мус. право. I. 332, 337. Гр. Остророг II, 100, 101.)

⁸³ «...Любопытно отметить мнение одного образованного мусульманина относительно работорговли. Мухаммед эль-Тупси, в своей книге "Вадаи", хотя и защищает рабство и торговлю невольниками, как дозволенные, но вместе с тем жалуется на то, что мусульмане предварительно не приглашают народ, на который они нападают, принять ислаимизм. Без всякой попытки мирного прозелитизма, они нападают, сражаются и берут их как рабов. Раз они взяты, то продажа их является законной, так как они язычники. И стоит лишь набегам за невольниками придать характер джихада, как они сделаются не только законными, но даже положительно обязательными» (Хейс. Ислам, как миссионерская религия, 161).

вают их, отрубая им голову⁸⁴ или обращают их в рабство⁸⁵, или им дают откупиться, или обменивают их на пленных мусульман, считая одного мусульманина⁸⁶ за двух неверных или же отпускают их на свободу.

3) Если неприятель для того, чтобы получить перемирие⁸⁷, уплачивает некоторую сумму денег, то это предложение приемлемо в известных случаях, по усмотрению имама или замещающего его лица.

Тут может быть два случая: или сумма уплачивается в качестве единовременного выкупа, гарантирующего целостность и безопасность лишь на время данной кампании, но не избавляющего от будущих нападений, — в таком случае эти деньги считаются военной добычей и делятся между участниками. Или же неприятель обязуется уплачивать ежегодно определенную подать, и в таком случае лишь взнос первого года является военной добычей, следующие же взносы поступают в казну и распределяются для разных назначений. Пока эта подать уплачивается аккуратно, договор сохраняет свою силу, и неверные пользуются охраной и покровительством мусульман, т. е. перемирие

⁸⁴ По окончании военных действий убивать уже не разрешается. Во время же военных действий взрослых мужчин, если они отказываются принять исламизм, убивают или, по приказанию имама, уродуют и так оставляют, чтобы они умерли от истощения (Кэри. Мус. право. I. 332.) Но запрещается убивать тех пленных, которые не в состоянии ходить.

⁸⁵ Раз уже обращенный в рабство военнопленный не получает свободы, хотя бы после этого и обратился в исламизм (Там же, т. I. стр. 332.)

⁸⁶ Мусульманин, взятый в плен и оставленный на свободе после обещания пребывать в стране и не причинять вреда ее обитателям, вправе не держать своего обязательства и может убежать, если представится случай, но ему запрещается захватить при этом какое-либо имущество. Но если пленный был оставлен на свободе под денежный залог, ему разрешается не только убежать, но и захватить с собой все, что только возможно (Там же, т. I. стр. 330.)

⁸⁷ Для того чтобы переговоры о капитуляции были действительны, они должны быть ведены через посредство лица, пользующегося на то правами. Помимо того, что это лицо должно быть уполномочено на ведение переговоров, оно должно быть совершеннолетним, находиться в здравом уме и свободно располагать своей волей. Пол и общественное положение в данном случае безразличны. Договор, заключенный при посредстве несовершеннолетнего, не действителен. Каждый мусульманин может заключить договор с любым из врагов, но сила этого договора является обязательной лишь для них одних, не распространяясь на других. Исполнение договора обязательно, если только в нем нет ничего противного исламизму. Вынужденное принятие договора не имеет силы. Договор о капитуляции может быть заключен лишь до тех пор, пока просящий его не сделался пленником, — в противном случае он не может иметь никакой силы. Договор вступает в силу, если о том нет специального указания в нем самом, как только уполномоченные сделают его известным сторонам (Кэрн. Мус. право. I, 327–329.)

продолжается. Первый же отказ от уплаты очередного взноса может вызвать враждебные действия со стороны мусульман.

4) если неприятель предлагает заключить перемирие, то пользующийся всеми правами и полномочиями военачальник может заключить такое перемирие на срок до десяти лет, но никак не больше⁸⁸, в противном случае, после истечения десятилетнего срока могут быть открыты военные действия, и в этом не будет нарушения договора, так как превышающий десять лет срок считается недействительным и как бы неупомянутым в договоре. Каковы бы в остальном ни были условия договора, он гарантирует неверным безопасность до истечения срока, если только они сами не станут нарушать поставленных условий.

При разделе добычи⁸⁹, который должен быть произведен по возможности немедленно, военачальник обязан быть справедливым и никого не обижать, оставаясь строго беспристрастным, а воины должны предоставить ему производство этого раздела и подчиниться ему. Справедливость должна соблюдаться до такой степени, что, если какой-нибудь воин захватил вещь, принадлежащую врагу, как платье, он при дележе должен сдать его в общую кассу⁹⁰, или же, если оно уничтожилось, внести его стоимость⁹¹.

⁸⁸ Заключение подобного перемирия может быть оправдано лишь особыми причинами. Если же для мусульман нет крайней необходимости заключать перемирие, то военачальник может дать его, но лишь на срок, не превышающий четырех месяцев (Гр. Остророг. II, 75). Переговоры о заключении перемирия могут исходить также от имама, раз этого требуют общие интересы, например, когда количество мусульманских войск слишком ничтожно для того, чтобы с успехом продолжать военные операции, или когда есть надежда на прибытие в скором времени подкреплений и припасов, или на то, что неверные обратятся в исламизм (Кери. Мус. право. I. 348.)

⁸⁹ Военная добыча может быть трех родов: 1) имущество движимое, 2) имущество недвижимое и 3) женщины и дети. Движимое имущество может состоять из вещей, дозволенных при пользовании мусульманина и недозволенных. Первые входят в состав добычи, а вторые войти не могут и подлежат уничтожению (Кэри. Мус. право. I. 335).

⁹⁰ Взимаемая таким образом пятая часть добычи разделяется на шесть частей, из коих три предназначены Пророку (т. е. одна часть Бога, другая — Пророка и третья — родных Пророка, причем теперь эти последние представляются имамом или его заместителем). Часть Пророка и имама распределяются между их потомками. Три остальные части имеют своим назначением содержание: сирот, бедных и путешествующих. Из этих последних трех групп и производится расход на богоугодные дела, и по преимуществу на пропаганду священной войны. Всякий участвующий в священной войне имеет право на пособие из фонда бедных (Там же, т. I, стр. 178, 159).

⁹¹ Гр. Остророг. II. 99.

Раздел начинается с того, что прежде всего отделяются обещанные военачальникам награды за отдельные подвиги, совершенные воинами или другими участниками сражения. Затем, если только было такое условие, платье и оружие убитых врагов раздается тем, которые их убили. Далее производится уплата расходов на хранение добычи до дня раздела и по переноске ее к месту дележа. С разрешения имама, небольшое вознаграждение дается принимавшим участие в бою детям, женщинам и рабам, но во всяком случае их вознаграждение не должно превышать части, получаемой воином пехотинцем. После этого уже отделяется пятая часть для сдачи в казну и для распределения между имеющими право. Все остальное же подлежит разделу⁹².

Примечание

Цветков Павел Павлович (1875–1919) — русский офицер, полковник, исламовед. Окончил Курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД России. Владел французским, немецким, английским, итальянским, персидским, турецким и «разговорным языком Туркестана».

На военно-дипломатической службе на Ближнем Востоке и в Турции.

В начале 1900-х гг. (два года) и с 1909 г. служил в военной администрации Туркестанского генерал-губернаторства. С весны 1917 г. — управляющий канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства. С конца 1917 г. — начальник канцелярии народного комиссариата по административной и гражданской части Туркестанской Республики.

С 1918 г. читал курс мусульманского права в Туркестанском университете. В 1918 г. — председатель совета инициативной группы по созданию Туркестанского восточного института (открыт в Ташкенте в ноябре 1918 г.). В 1918 г. был одним из руководителей (вместе с Агаповым и Тишковским) готовившей военный переворот «Туркестанской военной организации». В декабре 1918 г. организация объединилась с группой сторонников военного комиссара Туркестанской Республики К. Осипова во «Временный комитет рабоче-крестьянской организации». П. П. Цветков был членом президиума этого комитета.

В конце 1918 г. начал издавать в Ташкенте бюллетень «Свободная пресса» (вышло около 10 номеров). В авторских статьях изложил концепцию «народной власти», противоречившую «диктатуре пролетариата».

Арестован в январе 1919 г. как участник заговора и мятежа военного комиссара Туркестана К. Осипова. Приговорен к смертной казни, однако Верховный Трибунал Туркестана ходатайствовал перед ТурЦИК о смягчении приговора.

⁹² Кэри. Мус. право. I. 339.

1 марта 1919 г. на совместном заседании Верховного Трибунала Турк-республики и ТурЦИК было решено передать дело П. П. Цветкова для окончательного решения ближайшему 7-му Чрезвычайному съезду советов Туркестана, но до открытия съезда 29 мая 1919 г. по указанию советских руководителей Туркестана или Москвы был расстрелян.

Собрал в личную коллекцию 700 томов восточных рукописей и редких старинных книг. После расстрела жена П. П. Цветкова безвозмездно передала коллекцию в Ташкентскую публичную библиотеку.

П. П. Цветков является автором известной исламоведческой работы «Исламизм» (в 4-х томах, Асхабад, 1912–13 гг.), турецко-русского и русско-турецких словарей (оба были изданы в 1902 г.). После его казни остались в рукописи еще 3 тома «Истории исламизма», дальнейшая судьба которых неизвестна.

Работа П. П. Цветкова «Джихад в Коране и в жизни», изданная в 1912 г., в настоящее время является библиографической редкостью и посвящена одному из важнейших мусульманских предписаний, которое зачастую считают шестым столпом ислама.

Печатается по: *Цветков П.* Джихад в Коране и в жизни. Издание В. М. Скворцова. С.-Петербург: Типография «Колокол», 1912. С. 1–43.

